

Наталья ДЕНИСОВА

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЬДИНА

М и н и а т ю р ы

На города, от дедушки Никанора Степаныча¹

Ну чево? Здорóво. Пошто-то ты давно не навевывался... Ладно ли всё? Мне ноне так тошно стало, хошь реви... Дай, думаю, хоть письмецо тебе накалякаю. Девка почтарка, Людкой звать, к нам в деревню-то забегат раз в месяц, пенсию приносит. Годов двадцать ей, поди. Таки молоды-то все по городам. Не знай, чево уж ета тут. Я письмецо-то ей пяхаю, она глаза выпучила, дивится. «Вы, — говорит, — какой-то старопрежний, ноне писем уже не пишут». Сказывала, тепереча-то через машину ету передают, электронну, каки-то там контакты в ей есть. Во чево придумали! А письмецо-то взяла. «Отправлю», — сказала. Ну, чево. Пошто тошно-то стало? Дак ты знашь, нонче я в деревни-то совсем один остался... Егоровну сын в город увез, до весны, кажись. Нюрка Кочерга в больницу областну укатила, давление у ей. Не еде домой-то пошто-то, давно уж тамотке, наверно, на леченье положили бабку. Иваныч в Пинеге, у сына пропадат уж втору неделю, обещался после праздников-то вернуться. Жду вот. Анастасия Ивановна к сестры уехала в гости, должна бы на днях явиться. Да нет никакой... Вот и сижу один, как отшельник. Тутотке у меня как в скиту...

Я вчерась на улицу-то ввечеру вышел — зима... мороз... Тихо так... Темень — коня в поле не увидашь. Луна и та — завернулась в белу шальку с головой, выкуркиват, как мертвый из под савана, зыркает по сторонам. Звезды — те во все глаза глядят, шепчут кабыть: «Не дрейфь, Степаныч... Не пропадешь... Ишь как мы тебе светим... Ни у кого таких-то нет». И снежок под ногами-то повизгиват: «Нет, нет, нет...» Я на снежок-то глянул... Андели! Андели! Следы волчьи. Здоровы таки! Вот пошто Найдёха-то моя лаяла! Нать, думаю, собаку-то в избу запустить, а то уташшат в лес. Вот и сидим втроем: я, Найдеха да Барсик-кот.

Сегодня с утраца до леса сбродил, виц березовых притаранил. Сижу, метелки вяжу. Себе да бабкам. Прикатят, а им нате-ко! Днем-то время побыстрее идё. Пока двор огребешь, дров занесешь, печки натопишь, поисть сготовишь чево ли, за водой сбродишь, — там, глядишь, уж дело

¹ В тексте по возможности сохранены особенности пинежского говора. — *Примеч. ред.*

и к вечеру. А вечером чево? Телевизеров не держу. Радиола есть. Быват, поставлю каку ли пластиночку, а когда и радиово словит. Сижу, слушаю... Мерёжи вяжу, летом как найдены будут.

Завтре лавка продуктова должна быть. Приеде девка-то продавщица, а у нас и нет никого. Я-то один много ли наберу? У меня иша есть запасов-то. С голоду не помру. Да и лес с рекой рядом.

Кабы аптека приезжала... Мечта, а не жись! Ты мазево-то помнишь как зовется, не? Привозил-то мне в прошлый приезд, от радикулиту-то? Хорошо мазево! Ты как собересся к нам, дак иша вези — кончилось. А так все ничево... Живу... Поговорить бы с кем...

На днях Крешшение было, вздумал я за водицей-то святой сбродить, до майны... в ночи. Батюшки-то до нас не добраться, хошь водичка будё... Бидончик взял, поташилсся. Найдеха со мной. Вышли мы к реки-то, гляжу, дивлюсь — во простор! Море белоснежно! А наверьху-то небо... Глубоко... Празднично... Как парчой убрано! Светится!

И вот я один на один с небом-то... Гляжу на его, конца-краю не видать. Думаю: «Вот я стою тут, кругом-то никого, малехонький екий человек. А небо огромно... За им-то што?.. И вот под етим небом — я, Степаныч... Оттудова-то меня, можё, и не видать, ека мушка, а поставлен для чево-то на Земли-то. Для чево?» А небо молчит... Сам, значит, думай...

Ты не пропадай давай... Хошь отпиши мне, а лучше приехал бы... Бват, дождусь...

Последня льдина

Прикатила! Весна в деревню-то нашу прикатила! Красивяшша девка-то! Круглолица, краснощека, глазишша-то, глазишша-то — синь-синева! А боева-то сколь! Иша токо нога за порог, а уж шурудит! Зверье в лесу подняла — хватит дрыхнуть, лежебоки! Деревья всколыхнула — пора, пора, робята!

И давай мести, намывать, только брызги летят! Ручьев напустила, луж навела... Покрывалья-то зимни с земли стянула, айда стирать. Куды таки срамны ляжат, серы, грязны. По пригоркам пробежала, прикрикнула на их:

— Што растянулись, бока греете, зеваете, лысины чешете?

Да как сыпанет пригоршню желтых горошин мать-и-мачехи. Во! Друго дело! А потом и до реки добралась!

На бережок взлетела да как заорё:

— Што ты, така-сяка, ляжишь мертвым капиталом! Май уж на пороге, а она, позоришше, и в ус не дует, лентяйка! Подымайся давай, подымайся! Мне трясогузки который день на тебя жалятсся!

Река молчит, не воймует. Во как разоспалась! Весна тогды скок на лед — и давай плясать! Чоботками своима топочет, только искры летя! Песню заголосила! Звонко, забористо! Закряхтела река, заворочалась, куды тут спать! Выгнула спину, вздулась, потянулась — затрешшал лед! Весна едва успела на пригорок соскочить. Стоит, улыбается! Пошло дело!

Опомнилась, встрепенулась: «Пошто стою-то? Нать иша стариков проведать! Все ли на месте?» И бегом в деревню, только брызги летят из-под ног-то! Егоровну на крылечке застала, обняла, расцеловала горячими губами в сухи щеки, те аж зарумянились. Жива, жива голубушка! К Анастасии Ивановны в окошко заглянула, улыбнулась: на месте агрономша наша, сидит, по сторонам не глядит, в земельке ворошится. Она это дело любит! Сажат чево-то в полагушки-то свои, цельный стол уж заставлен, где и исть-то собирается? Помахала весна Анастасии ладошкой, дале полетела: нать и остальных проведать. У избы Андрияновны остановилась — андели! Замок на дверях-то... Куды девалась бабка? Испокон веков замков-то не держала. Опечалилась Весна, туч на небо нагнала, дождем взбрызнула... Нать, думат, пойти у Никифора узнать, тот все про всех знат, не зря Прокурором на деревни-то кличут. Бегом к ему! Едва застала — в лес собрался, березы доить.

— Никифор Игнатич, Никифор Игнатич! Здравствуй! Как зиму-то пережил? — крикнула Весна вслед уходящему со двора старику. Тот остановился, замотал головой: кака така девка на деревни объявилась? Окромя Людки почтарки, никто и не заглядыват. Увидал Весну, узнал, заулыбался.

— Здорово! Здорово! Да ничево, слава Богу! Потопчу, бват, иша земельку-то... Ты где сей год гуляшь? Давно ждем, а ей все нет! Я уж собрался жалобу в небесну канцелярию-то на тебя сочинять! Да шучу я! Чево нать-то?

— Никифор Игнатич, Андрияновна-то где? Жива ли? Я к ей сунулась — нет никакой!

— Пошто не жива-то? Сдавать токо начала... Катюха, дочка ейна, прикатила по осени да на города и увезла мать-то. Обещались к лету наведаться. Ждем...

Повеселела Весна, сгребла старика в охапку. Тот аж ошалел, у его и в памяти уж нет, как девки-то на шею к ему кинались! Пока дух-то перевел, Весны и след простыл... Постоял Никифор иша с минуту да и зачавкал катанцами с галошами в сторону молодого березняка, к девкам своим белоствольным. Те не убегут.

А Весна уж до Степаниды долетела. Изба у той на угорышке стоит, всю округу видать: и реку, и лес... К дверям скок — открыто, а в дому — никого! Намыто, начишено: печка беле облаков, занавесочки голубеньки на окошках, полы до желтизны выскоблены, половички цветасты ляжат-улыбаются... Куды это приготовилась? Покликала Весна Степаниду — тишина. Выскочила на улицу, обежала двор, в байну заглянула — нет никакой. Сунулась за старый амбар — вот она Степанида! Сидит под березой на скамеечке (мужик ейный иша по молодости сколотил) и смотрит куды-то вдаль, на реку кабыть, на ледоход. Сама худа, длинна, а спина сколь пряма... Торжественно так сидит, руки на коленях сложила, головушка набок, а лицо... ну прямо как на иконах пишут. Серьезно тако, всё в ём: и надежда, и печаль, и радость, и ожидание, и тревога, и назидание, и сокрушение, и покой, и тишина...

— Здравствуй, Степанида Ивановна... — тихо сказала Весна и под села рядышком. — Ты пошто это сюда забралась? Уросишь сидишь? Обидел кто?

— Здравствуй, девка, здравствуй... Да вот, последню льдину жду.

— Каку таку льдину? — удивилась Весна.

— Это у меня иша мати так говаривала. Как ей осьмнадеят годов-то стукнуло, стала она последню льдину ждать, кажный ледоход. Сказывала, коли она не унесет ей с собой, то годок иша поживет, до следушшего ледохода... Теперь вот и мой черед пришел. Да я не единолично, за себя одну, жду, я за всю деревню нашу. Мало нас осталось, кабы кого не унесла...

И замолчала...

Хотела Весна иша што-то спросить у бабки-то, да видит: не до нее той ноне... Посидела малехо рядышком, обогрела Степаниду ласковым майским теплом — и пошла. Нать иша Степаныча проведать. Тот кажный год ей по-особу привечат. То чаем душистым напоит с вареньем, то какой ли диковинкой одарит, собственноручно сробленной из бересты али деревяшки. Хороший старик!

Вот и он! Опять во дворе с дровами кочкается.

— Здорово, Степаныч! Ждал ли? — весело крикнула Весна.

Степаныч заулыбался, лучики морщинок разлетелись вокруг сияющих глаз.

— Давно жду, пошто не жду-то! Ты где в етом году запропастилась? Пошли давай в избу! Чаи гонять будем! Чево така задумчива? Думай не думай, сто рублей не деньги! Пошли!

За чайком с малиной да медом рассказала Весна Степанычу про Степаниду. А как засобиралась восвосяси, взяла с его обещание — проведать бабу.

И упорхнула... Делов-то иша воз да маленька тележка!

Степаныч наказ Весны не забыл. На следушший день, как управил-ся по хозяйству-то, — бегом к Степаниды! Чево она там выглядыват? Первым делом за амбар навострился — нет никакой! Айда в избу. Смотрит — Степанида, нарядна така, у печи хлопочет, шаньги на столе горой, пышут жаром. А дух-то какой, голову кружит! Самовар покряхтыват...

Увидала Степанида Степаныча и весело так ему:

— Здорово, сосед! Чево стоишь, выглядывашь? Ты проходи в избу-то, проходи! А лучше бы уважил бабу, сбегал да созвал наших деревенских! Чай пить будем! Я вам чево скажу ли!

Степаныч опешил, думат: «Нать бязать, созывать народ, бват, вместяк разберемся, чево тако со старухой!»

Немного погода на кухни у Степаниды собралась вся деревня. Пили чай с шаньгами. Ох, хорошо! Но кажный все же с тревогой ждал, чево такого хочё сказать хозяйка. А Степанида им:

— Живем, земляки! Живем! Годок-то иша, даст Бог, поживем! Хоть до следушшей весны... Последню льдину вчерась ввечеру пронесло! А мы все тут! Живы! Поживет иша деревня!

Словарик

Андели — ангелы; здесь: вот это да!

Бват — может быть.

Вместяк — вместе.

Воймовать — внимать; не воймует — не обращает внимания.

Выкуркивать — выглядывать.

Екий — такой.

Иша — еще.

Кабыть — скорее всего.

Катанцы — валенки.

Кочкаться — что-то делать.

Майна — прорубь.

Мерёжи — сети для ловли рыбы.

Найдены: как найдены будут — пригодятся.

Нать — надо.

Полагушки — горшочки.

Пошто — почему.

Тамотке — там.

Уросить — капризничать, злиться.

